

Рис. 2. Карта-схема распространения двукружковых поясных накладок и передвижение гуннских племен на рубеже IV—V вв.

1 — Кубей; 2 — Лбище; 3 — Федоровка; 4 — Салихово; 5 — Мари-Луговской; 6 — Худяки; 7 — Суворово; 8 — Азелино; 9 — Тураево; 10 — Покровский; 11 — Ижевск; 12 — Сайгатка; 13 — Тарасово; 14 — Старокабаново; 15 — Байрамгулово; 16 — Томпакасар; 17 — Косасар; 18 — Алтынасар; 19 — Бедикасар; 20 — Канатгас.

И если говорить об узкой дате бытования в Восточной Европе (включая и степные и лесные районы) наборных поясов с двукружковыми накладками, то ее следует ограничить последней четвертью IV — первой четвертью V века. Иначе говоря, это рубеж IV—V веков.

Именно в это время в Волго-Камье фиксируются значительные этно-культурные изменения. Г. И. Матвеева справедливо отмечает, что «наиболее мощная миграция населения в Среднее Поволжье имела место в последней четверти IV века н.э. и, несомненно, была вызвана вторжением гуннов в Европу. Следствием этой миграции явилось возникновение в Среднем Поволжье именьковской культуры (Матвеева, 2004, с. 70). Точка зрения Г. И. Матвеевой о славянских (пшеворско-позднезарубинецких) корнях именьковской культуры сегодня поддержана большинством исследователей.

Принципиально важным является то обстоятельство, что дата вторжения гуннов в южнорусские степи (370—378 гг.) смыкается с датой (последняя четверть IV в.) появления на Средней Волге славянских племен именьковской культуры. Несомненно, что второе, в самом общем виде, является следствием первого. Вместе с тем такая грандиозная миграция, вероятнее всего, должна была быть предопределена какими-то конкретными историческими (возможно трагическими) событиями.

У Иордана есть описание драматического эпизода, происшедшего со славянским племенем антов в период до 378 года (т. е. до Адрианопольской битвы). Речь идет о деяниях остготского вождя Винитария, который «двинул войско в пределы антов. И когда подошел к ним, был побежден в первой стычке, затем повел (себя) более храбро и короля их по имени Боз с сыновьями его и 70 знатными людьми распял, чтобы трупы повешенных удваивали страх покоренных» (Иордан, 1991, с. 115. § 247). Нам представляется, что эта жестокая расправа могла переполнить чашу терпения покоренного народа и явиться решающим аргументом, склонившим часть славян к решению о переселении на Волгу.

Справедливости ради следует сказать, что у Иордана есть еще одно упоминание о военных столкновениях славян и готов: «Херманарик также двинул войско на венетов, которые хотя и достойные презрения из-за их [плохого] вооружения, но могучие численностью, сперва пробовали сопротивляться» (Иордан, 1991, с. 111. § 119).

Однако описанное Иорданом избиение антов по своим масштабам достигает уровня «фольклорно-исторических преданий» (Анфертьев, 1991, с. 159). Впрочем, масштабы переселения славян на Среднюю Волгу в конце IV века н.э. также были воистину грандиозными.

Но славяне (именьковская культура, лбищенский тип) были далеко не единственными племенами, пришедшими в Волго-Камье из юго-западных районов Восточной Европы в конце IV — начале V века н.э.

В частности, именно в это время в Южном Приуралье начинает формироваться турбаслинская культура. По мнению Ф. А. Сунгатова, «одна из групп позднесарматского населения, испытавшего на себе влияние гуннской этнокультурной среды, в виде нового этнического образования отходит на восток — в Приуралье, где ими и были оставлены памятники, известные как турбаслинские» (Сунгатов, 1998, с. 114).

То есть степные и лесостепные просторы Южного Приуралья на рубеже IV—V вв. заселили гунны-сарматы, пришедшие на эти территории после участия в составе гуннских отрядов в разграблении центров Северного Причерноморья. О последнем, в частности, свидетельствует захваченная там военная добыча: уникальное изделие античной торевтики с изображением римских воинов (Гарустович, Иванов, 1994, рис. 1, 4), а также ряд ювелирных украшений и предметы из драгоценных металлов (Сунгатов, 1998, рис. 3, 6, 7, 9).

Заметим, что в комплексах турбаслинской культуры, т. е. у гуннов-сарматов, не встречены двукружковые поясные накладки.

В Южном Приуралье таковые известны лишь в материалах Салиховского курганного могильника, оставленного, по мнению С. М. Васюткина, сильно смешанным населением, состоящим из трех этнических компонентов: позднесарматского, финно-угорского (имендьяшевского) и тюркоязычного. Под последним автор подразумевал гуннское население: «есть все основания связывать новые черты погребального обряда населения Южного Приуралья середины I тыс. н.э. с гуннами или другими пришлыми вместе с ними племенами восточного происхождения (Васюткин, 1986, с. 195—196).

Интересным представляется то, что турбаслинское (позднесарматское) население вступило в достаточно тесные дружеские контакты со славянскими племенами, заселившими среднее течение р. Белой, о чем, в частности, свидетельствуют материалы биритуального Кушнаренковского могильника (Генинг, 1977). Кроме того, количество укрепленных городищ на этой границе именьковского мира было минимальным, чего нельзя сказать о северной периферии именьковской культуры.

Именно на севере, на правом берегу Нижней Камы, славяне буквально «ощетинились» цепью городищ-крепостей (Старостин 1967, табл. I). Это не удивительно: если с поздними сарматами славяне (и их предки) на протяжении нескольких веков выстраивали отношения еще в лесостепном Поднепровье, то мир лесных финно-угорских племен был для них далеким, незнакомым и чужим. В свою очередь, население Волго-Камья, вероятнее всего, воспринимало славян-именьковцев не иначе как непрошенных гостей, отношение к которым было соответствующим.

Однако славяне были далеко не единственными, кто в конце IV века, придя с юго-запада, нарушил спокойную размеренную жизнь лесных охотников Прикамья. Факт присутствия новых этнических групп документирован «появлением значительного числа захоронений, сопровождающихся оружием и защитным снаряжением, не характерным для финно-угорских народов Приуралья (Тюм–Тюм, Первомайск, Худяки, Суворово на р. Вятке и Нивы, Тарасово — на Средней Каме). Иногда воинские захоронения отличались еще и курганным обрядом захоронения (Тураево, Кудашево)» (Голдина, 1996, с. 77). Р. Д. Голдина считает, что, несмотря на временной интервал, разделяющий азелинско-суворовские и тураевско-кудашевские древности, они, тем не менее, связаны общностью происхождения: «возможно, эти группы имели гото-славянский облик» (Голдина, 1999, с. 266). Аргументом в пользу этого вывода явились «вещи, не характерные для Прикамья»: «косы», халцедоновые диски-навершия мечей, железные проушные топоры-гривны и др. (Голдина, 1999, с. 274—275).

С последним трудно не согласиться. Все эти вещи, а также целый ряд украшений и предметов вооружения из названных могильников Прикамья, действительно имеют западное (юго-западное) происхождение. Бесспорно и то, что в конце IV века на Вятку и Каму пришла какая-то новая этническая группа хорошо вооруженных воинов.

Однако нам представляется, что они пришли из среды, культурно и этнически близкой гуннам. Если быть более точным — гуннам-уграм, которых, на наш взгляд, можно идентифицировать с хунугурами Иордана: «Хунугуры же известны оттого, что от них идет торговля пушниной» (Иордан, 1991, с. 109. § 37). Движение гуннов из-за Урала в Северное Причерноморье (Кубей), а затем и в Прикамье (Азелино, Мазунино, Сайгатка, Мари-Луговской, Покровка, Тураево, Худяки, Тарасово, Старо-Кабаново, Ижевский) маркируют наборные пояса с двукружковыми накладками.

Рассматривая обозначенные комплексы как гунно-угорские, мы разрешаем еще одно, казалось бы, противоречие, состоящее в том, что пришедшие на рубеже IV—V вв. люди были похоронены на позднепьяноборских могильниках Прикамья по местным обычаям?! Вопрос этот снимается, если принять во внимание то, что к прикамским финно-уграм пришли хоть и дальние, но все же схожие с ними по языку и по ментальности родственники — зауральские угры. Заметим, что примерно в это же время из-за Урала в Кунгурскую лесостепь уже шла инфильтрация угорского населения саргатской культуры (Голдина, 1996, с. 76).

В данном случае уместно вспомнить точку зрения Л. Н. Гумилева, высказанную им более полувека назад: «Именно с угорских территорий начали хунны свой новый поход на запад, причем угорский элемент составлял их основную боевую силу, и нет оснований сомневаться в том, что оба народа смешались и слились в один новый народ — гуннов» (Гумилев, 1993, с. 201).

Резюмируя все вышесказанное, можно выделить следующие принципиальные моменты.

Наборные пояса с двукружковыми накладками датируются последней четвертью IV — первой четвертью V в. н.э. (рубежом IV—V вв.).

Найдены эти пояса на позднепьяноборских могильниках Прикамья, в комплексах «гуннского круга» Евразийских степей и в джегыасарских материалах Восточного Приуралья.

Появляются пояса с двукружковыми накладками за Уралом, на территории, входящей в зону влияния «третьей» (по И. Э. Любчанскому) империи хуннов. Именно с гуннами эти изделия попадают в районы Северного Причерноморья.

В дальнейшем, в результате оттока части гуннов из Причерноморья, накладки попадают как в Южное Приуралье (Салиховский гунно-сармато-финно-угорский могильник), так и Волго-Вятско-Камское междуречье (финно-угорские могильники поздней стадии пьяноборской общности).

Люди, принесшие пояса с двукружковыми накладками в районы Прикамья, являются этническими гунно-уграми (хунугурами Иордана).

Вещи западного происхождения, найденные на финно-угорских могильниках Прикамья, следует рассматривать как военные трофеи, принесенные на эти территории гунно-уграми.

В материалах именьковской культуры Среднего Поволжья двукружковые поясные накладки практически отсутствуют. Картография показывает, что места находок этих накладок буквально окаймляют именьковский мир, не проникая в него, что лишней раз подчеркивает, что пришедшие сюда славяне (возможно анты Иордана) оказались во враждебном этно-культурном окружении. В этой связи говорить об общих корнях именьковских племен — с одной стороны, и отдельных групп прикамского населения IV—V вв. (азелинского, тураевского) — с другой, на наш взгляд, несколько преждевременно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айбабин А. И., 1982. Погребения конца VII — первой половины VIII вв. в Крыму // Древности эпохи великого переселения народов V—VIII вв. М., с. 165—192.

Айбабин А. И., 2003. Степь и юго-западный Крым // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV—XIII века. М., с. 16—22.

- Амброз А. К., 1971а.** Проблемы средневековой хронологии Восточной Европы // СА. № 2, с. 96—123.
- Амброз А. К., 1971б.** Проблемы средневековой хронологии Восточной Европы // СА. № 3, с. 106—134.
- Анфертьев А. Н., 1991.** Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I—VI вв.). М., с. 98—160.
- Богачев А. В., 1992.** Процедурно-методические аспекты археологического датирования. Самара. 207 с.
- Богачев А. В., 1998.** Кочевники лесостепного Поволжья V—VIII вв. Самара. 107 с.
- Боталов С. Г., Полушкин Н. А., 1996.** Гунно-сарматские памятники Южного Зауралья III—V вв. // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, с. 178—193.
- Боковенко Н. А., Засецкая И. П., 1993.** Происхождение котлов «гуннского типа» Восточной Европы в свете хунно-гуннских связей // ПАВ. №3, с. 73—88.
- Васюткин С. М., 1986.** Салиховский курганный могильник конца IV—V в. в Башкирии // СА. № 2, с. 180—197.
- Гавритухин И. О., Малашев В. Ю., 1998.** Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // КЕС. Вып. 2, с. 28—86.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М., 1996.** Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 296 с.
- Гарустович Г. Н., Иванов В. А., 1994.** Уникальное произведение позднеантичной торевтики с изображением воинов // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала. Уфа, с. 137—145.
- Генинг В. Ф., 1967.** Ижевский могильник // ВАУ. Вып. 7, с. 123—140.
- Генинг В. Ф., 1977.** Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI—VII вв. н. э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, с. 90—136.
- Генинг В. Ф., 1979.** Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э. (по материалам могильников Прикамья // КСИА. Вып. 158, с. 96—106.
- Голдина Р. Д., 1979.** Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. Вып. 158, с. 79—90.
- Голдина Р. Д., 1985.** Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск. 280 с.
- Голдина Р. Д., 1996.** Взгляд на памятники «великого переселения народов» в Прикамье // XIII УАС. Тез. докл. Ч. II. Уфа, с. 75—77.
- Голдина Р. Д., 1999.** Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: «Удмуртский университет». 464 с.
- Голдина Р. Д., 2004.** Тарасовский могильник на Средней Каме. Т. I. Ижевск. 315 с.
- Голдина Р. Д., 2003.** Тарасовский могильник на Средней Каме. Т. II. Ижевск. 721 с.
- Гольмстен В. В., 1928.** Археологические памятники Самарской губернии // ТСА РАНИОН. Т. IV, с. 134—135.
- Гумилев Л. Н., 1993.** Хунну. Степная трилогия. СПб., 212 с.
- Дмитриев А. В., 2003.** Могильник Дюрсо — эталонный памятник древностей V—IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV—XIII века. М., с. 200—207.
- Засецкая И. П., 1983.** Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV—V вв. н. э.) // История и культура сарматов. Саратов, с. 70—84.
- Засецкая И. П., 1994.** Культура кочевников Южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V вв.). СПб., 222 с.
- Иордан, 1991** // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I—VI вв.). М., с. 104—115.
- Кадырбаев М. К., 1959.** Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 7. Археология, с. 179—197.
- Ковалевская В. Б., 1979.** Поясные наборы Евразии IV—IX вв. Пряжки // САИ. Вып. E1-2, 58 с.
- Ковалевская В. Б., 1981.** Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., с. 83—93.
- Ковалевская В. Б., 1995а.** Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура. Владикавказ, с. 123—183.
- Ковалевская В. Б., 1995б.** Археологическая культура — практика, теория, компьютер. М. 193 с.

Левина Л. М., 1994. Джетыясарская культура. М., 312 с.

Левина Л. М., 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тыс. до н.э. — I тыс. н. э. М., 370 с.

Любчанский И. Э., 2004. Восточные элементы материальной культуры в памятниках кочевников II—VI вв. н.э. южноуральского региона // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. Уфа, с. 197—217.

Матвеева Г. И., 2000. Памятники начала эпохи великого переселения народов (II—IV вв. н. э.) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Ранний железный век и средневековье. М., с. 94—112.

Матвеева Г. И., 2004. Среднее Поволжье в IV—VII вв.: именьковская культура. Самара. 165 с.

Останина Т. И., 1997. Население Среднего Прикамья в III—V вв. Ижевск. 327 с.

Останина Т. И., 1992. Покровский могильник IV—V вв. Ижевск. 95 с.

Старостин П. Н., 1967. Памятники именьковской культуры //САИ. Вып. ДІ-32. 48 с.

Сунгатов Ф. А., 1998. Турбаслинская культура. Уфа. 168 с.